

После возвращения из иного мира Кавех совсем растерял покой. Это заметили все: и Путешественник, и Сайно, и Тигнари, и другие его друзья. Он то и дело витал в облаках, безучастный к происходящему вокруг.

— Что же стряслось в тех руинах? — как-то раз за дружескими посиделками обеспокоенно поинтересовался Тигнари.

Вид у архитектора и впрямь был краше в гроб кладут. Золотистые вихры на затылке торчали в разные стороны — верно, он совсем забросил гребень, — а под глазами залегли такие густые тени, будто он не спал вечность.

— А? — невпопад отозвался Кавех.

Вот и сейчас так же. Только услышав собственное имя, он встрепенулся и поднял рассеянный взгляд.

Тигнари терпеливо повторил вопрос.

— Со мной? Да ничего особенного, всё в порядке, — Кавех явно храбрился.

На самом же деле он отчаянно пытался вычеркнуть из мыслей пережитое. Но память упрямо играла с ним в злые игры: стоило закрыть глаза, как в сновидениях оживали детские голоса — то весёлый смех, то капризное ворчание.

Каждое утро он просыпался с тяжёлым чувством вины, хотя и понимал, что это лишь грёзы. Но он знал, что в реальности ничего плохого не случится. Те дети были славными ребятами, и они искренне любили его.

"И когда это я успел стать таким самоуверенным?"

Кавех тихо вздохнул, уставился на колыхавшееся в бокале вино и осушил его залпом.

— С ним всё в порядке. Просто нужно время, чтобы совладать с чувствами.

Опустившийся на свободный стул припозднившийся Аль-Хайтам соизволил дать объяснение, которое, впрочем, мало что проясняло.

Как он и предсказал, Кавех помучился ещё какое-то время, а затем с головой ушёл в работу. Жизненные реалии не оставляли выбора: у него снова не было собственного угла, долг перед несносным соседом-домовладельцем рос, а за год отсутствия все прежние архитектурные наброски и идеи напрочь выветрились из головы — приходилось чертить заново.

Под гнётом финансовых трудностей хандра улетучилась на удивление быстро.

Помогала и мысль о том, что расстались они на светлой ноте. Единственной каплей горечи оставалось лишь то, что он не сможет быть рядом и не увидит, как дети взрослеют.

Когда эта печаль наконец утихла, наружу проступила другая, куда более острая проблема. Связывавшие его с Аль-Хайтамом узы крепили с каждым днём, и отрицать очевидное стало просто невозможно.

Забота между ними сделалась осязаемой, лишилась прежней колкости, а вечные пререкания почти сошли на нет.

Их взгляды на мир по-прежнему оставались диаметрально противоположными, но сами они необъяснимым образом сближались. Настолько, что исчезни один из них — другой перевернул бы землю и отыскал его.

"Хм... Кажется, это пахнет двусмысленностью".

Кавех уныло перегнулся через перила просторного балкона Академии Сумеру, ероша свои золотистые волосы.

Учёные мужи Сумеру испокон веков пытались препарировать любовь сухим языком разума.

Кавех тоже попробовал разложить собственные чувства по научным полочкам, но быстро зашёл в тупик — он и сам толком не понимал, какова она, человеческая любовь.

Если вспомнить строчки из когда-то прочитанного стихотворения: «Кто любит, тот должен делить судьбу со своим любимым». Что ж, они уже давно делили на двоих и радости, и невзгоды, шагая рука об руку в туманное завтра.

Когда-то древние мудрецы утверждали, что любовь есть созвучие душ, направляющее нас к высшему познанию и истине.

Но если взглянуть на обычных влюблённых, которых Кавеху доводилось встречать, то одни легко находили слова для своих чувств, другие же лишь смущённо лепетали глупости, после чего переглядывались и счастливо улыбались.

Сам он любил свои идеалы, любил родных и друзей, полюбил тех сирот, с которыми недавно простился... и любил Аль-Хайтама.

Всё это были совершенно разные чувства. И провести между ними чёткую грань оказывалось непосильной задачей.

Кавех совсем запутался. Мысли роились в голове, не давая ответов.

Но стоило ему сквозь праздную толпу Академии Сумеру разглядеть знакомый силуэт — человека, который всегда держался в стороне, но никогда не оставлял его, — как в груди заклокотал безудержный порыв.

— Ах... — вздохнул он.

Кавех беспомощно уткнулся лбом в перила, подставив макушку палящим лучам солнца.

Что именно он хотел сказать? Поблагодарить? Слишком слащаво. Признать важность его присутствия рядом? Излишне, это и так ясно. Назвать это родственной привязанностью? Тоже не то.

Тогда он решил задать себе самый простой вопрос.

"Разве мои чувства к нему не стали настолько глубокими, что мы теперь неразделимы? Разве я смогу смириться с его уходом?"

Ответ был очевиден: он не мог представить себе мир без Аль-Хайтама. Без него жизнь превратилась бы в беспросветное одиночество, унылое блуждание по берегу, где его никто и никогда не поймёт.

"Если я не могу без него жить..."

То это, должно быть, и есть любовь.

Осознав это, Кавех побежал.

Он мчался со смотровой площадки на самой вершине гигантского дерева вниз по винтовым лестницам Академии Сумеру.

Кое-кто из знакомых учёных и студентов провожал его удивлёнными взглядами:

— Куда ты так торопишься, Кавех? Что-то стряслось?

— Да! Очень важное дело! — выдохнул он на бегу, даже не оборачиваясь.

Его алый плащ развевался на ветру вслед за золотыми прядями волос, мелькая яркой искрой в полумраке переходов. Прохожие лишь добродушно посмеивались ему вслед — Кавех оставался верен себе, вечно взбалмошный и порывистый.

Он сбежал по ступеням на нижний ярус города.

Знакомый торговец попытался окликнуть его, предлагая взглянуть на диковинный заморский товар, но архитектор пронёсся мимо.

Он затормозил лишь у цветочной лавки и, тяжело дыша, выпалил:

— Пожалуйста, букет сумерских роз! Живее!

Лавочник с улыбкой завернул цветы и, протягивая их, негромко поздравил юношу — здешние учёные частенько прибежали к языку этих цветов, чтобы безмолвно признаться в чувствах.

Кавех торопливо поблагодарил его, прижал букет к груди и снова пустился бежать. Свежий, терпкий аромат роз шлейфом тянулся за ним по улицам Сумеру.

Он мчался к их дому.

К счастью, ключи на этот раз были при нём. Кавех ворвался внутрь, едва не сорвав дверь с петель.

— Аль-Хайтам!

С порога он ринулся напрямик в гостиную.

Аль-Хайтам сидел на диване с книгой в руках. Ему и самому до сих пор требовалось время, чтобы прийти в себя после былых потрясений, поэтому он взял редкий для себя долгий отпуск, решив провести его в тишине родных стен.

— Аль-Хайтам!

Подскочив к дивану, Кавех буквально всучил букет удивлённому соседу, бережно снял со своего уха заколку-перо, прикрепил её к волосам Аль-Хайтама, а затем отступил на шаг, стиснув кулаки от волнения.

— Я долго думал... Очень долго! И понял, что моя будущая жизнь без тебя просто невозможна!

Слова путались, дыхание сбивалось — то ли от бешеного бега, то ли от переполнявших его чувств. Кавех всегда балансировал на грани между холодным рассудком и безудержной страстью. И сегодня страсть одержала сокрушительную победу.

Аль-Хайтам онемел. Привычные колкости застряли у него в горле. Каким бы невозмутимым он

ни казался, сложить воедино эти цветы и пламенную речь труда не составило.

Кавех признавался ему в любви.

Аль-Хайтам перевёл взгляд на зажатые в руках сумерские розы — их сдержанный, глубокий аромат наполнял комнату. А затем посмотрел на застывшего перед ним архитектора, чьи щёки горели ярким румянцем.

Мысли Хайтама обычно работали с молниеносной быстротой, позволяя одной фразой загонять оппонента в угол. Но сейчас его безупречный разум дал сбой. Происходящее явно выходило за рамки любых его прогнозов, однако сердце упрямо требовало дать ответ.

— Хорошо, — негромко произнёс он.

Слово слетело с губ, и забрать его назад было уже нельзя, да они оба и не пожелали бы этого.

Кавех постепенно начал приходить в себя, хмель отчаянного порыва чуть выветрился, и он спохватился:

— А как же самые главные слова?

Аль-Хайтам мягко улыбнулся:

— Я люблю тебя.

— Угу... И я тебя люблю.

Неисправимый идеалист совершил свой самый безумный прыжок, утянув за собой в омут чувств даже этого упрямого мудреца.

Счастливый конец

<http://bllate.org/book/18256/1755752>